

Красильникова Е. И. История и традиционная культура алтайцев в контексте исторической политики Советского государства 1920—1940-х годов: по материалам журнала «Сибирские огни» / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 367—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383.

Krasilnikova, E. I. (2020). History and Traditional Culture of Altai in Context of the Historical Policy of Soviet State of 1920s—1940s: based on the materials of “Siberian Lights” Magazine. *Nauchnyi dialog*, 4: 367-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3/.6+94(571.150)“192/194”:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1920—1940-х годов: ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

© Красильникова Екатерина Ивановна (2020), orcid.org/0000-0003-0014-0655, Scopus Author ID 57203591375, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), katrina97@yandex.ru.

В статье прослеживается динамика политики памяти, направленной на формирование в исторической памяти читательской аудитории журнала «Сибирские огни» 1920-х—1940-х годов представлений об историческом прошлом и традиционной культуре алтайцев. Актуальность исследования обусловлена растущим вниманием к особенностям исторического знания в публичном пространстве, его структурированию, средствам концептуальной интерпретации и использованию в процессах политической саморегуляции общества на различных этапах развития. Новизна исследования видится в том, что до сих пор история государственной политики памяти в отношении прошлого Горного Алтая в ее содержательном и процедурном аспектах не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Выявляются контексты и условия создания журнальных репрезентаций исторического прошлого Горного Алтая. Характеризуется состав авторов, освещавших эту тематику, а также факторы, оказывавшие влияние на создание журнальных репрезентаций истории алтайцев. Установлены и охарактеризованы этапы этого репрезентирования. Показано, как менялись приемы политики памяти, которые использовали авторы данного журнала на разных этапах. Доказывается, что на этапе 1920-х годов «Сибирские огни» выступали площадкой полемики историков и субъектов региональной политики, относительно самостоятельной по отношению к центральной государственной власти. На втором этапе 1930—1940-х годов авторы журнала были включены, прежде всего, в процесс реализации политики памяти центральных властей.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; традиционная культура; идеология; Горный Алтай; ойроты; «Сибирские огни».

1. Введение

Существующий без малого сто лет литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сибирские огни» (далее — «СО») нередко называют «литературной летописью Сибири». С первых своих выпусков это издание стремилось освещать важнейшие социально-политические и культурные процессы, протекавшие в этом макрорегионе. Одной из основных тем журнала всегда оставалось прошлое и настоящее разнообразных национальных районов Сибири, зачастую являвшихся слабо известными и малопонятными даже для русского населения региона.

С реализацией задач политики ликбеза в Сибири, как и в Советском Союзе в целом, значительно расширилась читательская аудитория, готовая к усвоению идеологически окрашенного печатного слова. «СО» стали, кроме прочего, действенным орудием советской пропаганды. Они не только информировали читателей о текущих событиях и воспитывали их литературные вкусы, но и оказывали значительное влияние на историческую память людей. Хотя понятие «политика памяти» и не использовалось в советское время, ее фактические проявления очевидны и применительно к этому периоду отечественной истории. А журнал «СО» мы имеем все основания рассматривать в качестве одного из каналов ее реализации. Под политикой памяти мы понимаем борьбу основных политических акторов за осуществление политической власти над тем или иным социумом посредством поддержания в нем идеологического доминирования, которое основывается на легитимации существующего порядка путем использования репрезентаций исторического развития, призванных показать обществу преимущества существующего порядка. Политика памяти ярко проявляется в формировании официально-идеологических, публицистических, научных и художественных коммеморативных нарративов. «Сибирские огни», в которых печатались научно-популярные статьи, публицистические очерки, литературные произведения от сказок и стихов до романов, обзоры событий и библиографии, литературная критика и многое другое, принимали непосредственное участие в развитии советских нарративных практик, в числе которых были и коммеморативные, представляющие для нас основной интерес в рамках данного исследования.

Цель предлагаемой статьи — проследить динамику политики памяти, направленной на формирование в исторической памяти читательской аудитории журнала «СО» 1920-х—1940-х годов идеологически корректных представлений об историческом прошлом и традиционной культуре алтайцев. Для этого предстоит решить следующие задачи: выявить основные факторы, оказывавшие влияние на создание журнальных репрезентаций истории ал-

тайцев (внешние и внутренние по отношению к редакционно-издательскому процессу), установить и охарактеризовать этапы этого репрезентирования, которые определяются изменениями смыслов и приемов политики памяти.

Образы Ойротии (Горного Алтая) в журналах 1920-х годов, в том числе и в «СО», частично исследовались филологом Т. П. Шестиной в контексте разработки вопроса формирования представлений о советской национальной окраине [Шестина, 2014]. Нашими предшественниками изучались биографии авторов «СО», чье творчество тематически было связано с прошлым Ойротии [Очерки ..., 1982; Киндикова, 2014, с. 55—60; Чашина, 2003]. Исследования филологов также позволяют судить об общих тенденциях развития русскоязычной художественной литературы и публицистики Горного Алтая в 1920—1940-х годах, которые выделяются в качестве единого цельного этапа [Куляпин, 2013; Чашина, 2003]. Однако работы филологов не раскрывают всей исторической значимости рассматриваемых нами произведений, в том числе и их влияния на историческую память народов России. Применительно к Сибири эта проблематика изучена еще слабо. Но для ее разработки подготовлена историографическая почва. Вопросы политики памяти как средства конструирования исторической памяти россиян с использованием разнообразных дискурсов обсуждаются в наиболее значимых историко-политологических исследованиях А. Е. Копосова [Копосов, 2011] и А. И. Миллера [Миллер, 2009]. Роль журналов в идеологизации представлений россиян о Сибири изучалась, прежде всего, М. Бассином [Бассин, 2005], а также Н. Н. Родигиной [Родигина, 2006]. Пониманию общих исторических условий и контекстов участия «СО» в реализации государственной политики памяти способствуют современные исследования, посвященные формированию Ойротской республики [Белозерова, 2008], а также проблемам социально-культурной и хозяйственной модернизации Горного Алтая в 1920—1940-х годах [Захарова, 2006; Пустогачева, 2011]. Вопрос же о том, как столь глобальные перемены влияли на историческую память общества и как государство пыталось регулировать эти процессы, мы обозначаем в качестве одной из актуальных задач современной историографии.

Основополагающим методологическим ориентиром данного междисциплинарного исследования является исследовательское поле «Memory Studies», в рамках которого, в частности, разрабатываются вопросы формирования исторической памяти и ее политизации в прошлом и настоящем [Segesten, 2017; Verovšek, 2016]. В ходе исследования использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также нарративный анализ в варианте, предложенном У. Лабовым [Ярская-Смирнова,

1997, с. 55]. Основными источниками данного исследования послужили публикации журнала «СО» за 1920—1940-е годы, так или иначе связанные с темой исторического прошлого алтайцев. Всего мы отобрали для анализа двадцать два произведения разных жанров, принадлежащих перу как русских, так и алтайских авторов.

2. Контексты журнальных репрезентаций прошлого Ойротии

Репрезентации прошлого Горного Алтая журналом «СО» зависели от степени его свободы от государства, редакционной политики и организации редакционно-издательского процесса. И без того ограниченная свобода «СО» стремительно сокращалась с середины к концу 1920-х годов. Журнал активно участвовал в трудоемком процессе формирования национальных литератур народов Сибири, которые уже в 1930-х годах должны были отвечать складывавшимся канонам социалистического реализма. Деятельность редакции подчинялась задачам культурного строительства, которые ставила партия большевиков. Именно поэтому на каждом историческом этапе столь разные произведения, публиковавшиеся в этом журнале, выражают все-таки общие идеи и содержат однотипные оценки прошлого.

По сравнению с другими национальными районами Сибири об Алтае в «СО» писали достаточно много. По мнению Т. П. Шастиной, это было связано, прежде всего, с сочетанием таких факторов, как, во-первых, удобство демонстрации на примере ойротов (алтайцев) быстрого перехода от состояния «культурной отсталости» к социалистическому образу жизни, во-вторых, отсутствие у русского населения негативных стереотипов представления о Горном Алтае как о месте каторги, в-третьих, восприимчивость к советской идеологии самих алтайцев, «не зараженных до революции никакими революционными идеями», в-четвертых, рекреационная и туристическая привлекательность Алтая [Шастина, 2014, с. 159]. Однако не со всеми этими выводами можно полностью согласиться.

Алтай, действительно, еще до революции стал для сибиряков излюбленным местом отдыха и туризма. Описания путешествий по Горному Алтаю с подробными выкладками маршрутов «СО» активно публиковали и в советское время, очевидно ориентируясь на запрос читателей. Этот регион был гораздо лучше известен русским туристам и путешественникам, нежели, к примеру, соседняя, но малодоступная Тува, существовавшая до 1944 года как отдельное государство. Сами алтайцы также были лучше знакомы с русской культурой, нежели, к примеру, жители крайнего севера. Перед журналом стояла задача разработки темы социалистического строительства применительно *ко всем* национальным районам Сибири, в том

числе, и к менее доступным, и к еще более «диким» и «отсталым», чем Горный Алтай. Однако сбор материала в таких районах был затруднен, чем, в частности, и объясняется повышенное внимание «СО» к Ойротии. Кроме того, в изучаемый период «СО» были нацелены, в первую очередь, не на развлечение, а на идеологическое воспитание читателей. Журнал боролся с «вредными» репрезентациями Горного Алтая в качестве того места, где путешественникам могла быть легко доступна экзотика «страны первобытных людей» и природы, нетронутой человеком (таких публикаций появлялось в те годы много). Ойротию «СО» тенденциозно изображали как край интенсивной и успешной советской модернизации [Гриф, 1932]. С. Е. Кожевников писал: «У некоторых современных литераторов еще звучит чудовищное — неприкрытая тоска по ушедшей жизни. Да, оказывается, есть такие литераторы, которым жаль уходящие в прошлое дымный аил, и тяглу — ободранную конскую шкуру, повешенную на жерди после жертвоприношения, и глиняную посуду, и вшивую рубаху, и даже предрассудки и суеверия алтайцев ...» [Кожевников, 1939, с. 133].

Хотя алтайцы не были до 1917 года явно «заражены» революционными идеями, стоит подчеркнуть их очевидную «зараженность» идеями сепаратизма, распространившегося в начале XX века вместе с бурханизмом¹. Неподобное обращение «Сибирских огней» к данной теме, очевидно, было обусловлено нацеленностью на «проработку памяти», на идеологическую борьбу с этими идеями, еще актуальными и для начала советского времени.

Особенности реализации государственной политики памяти посредством «толстого» литературного журнала напрямую зависели от его авторов — людей с разным жизненным опытом, с разными взглядами и разной степенью знания истории Горного Алтая. В первой половине 1920-х годов темы алтайского прошлого раскрывались в работах представителей старой дореволюционной интеллигенции — общественно-политических деятелей и ученых. К середине 1920-х годов к ним присоединились поэты, знавшие Горный Алтай как внешние наблюдатели и использовавшие алтайскую тему для создания сугубо идеологических произведений. Со второй половины 1930-х годов тема истории Горного Алтая освещалась преимущественно тремя писателями: алтайцем П. В. Кучияком и двумя русскими — А. Л. Коптеловым, сконцентрировавшим свое внимание сугубо на алтайской теме, и С. Е. Кожевниковым. Все трое были дружны между собой. Коптелов и Ко-

1 Бурханизм — национально-религиозное движение, сформировавшееся в начале XX века у горных калмыков (алтай-кижи), сочетающее элементы народных традиций, ламаизма и частично христианства. Бурханизм противопоставлялся шаманизму. Связывался с идеями возрождения государственности горных калмыков.

жевников обычно хвалили литературные опыты Кучияка с позиции старших товарищей [Коптелов, 1934, с. с. 101—105; Кожевников, 1939, с. 127—133]. В жизни же им приходилось не раз заступаться за своего коллегу, который подвергался исключению из партии из-за социального происхождения и обвинялся в связях с белым движением и в национализме [Киндикова, 2014, с. 55—57]. Однако сомнения и разочарования в действовавшем политическом режиме оставались за кадром публиковавшихся в журнале материалов, которые прославляли советскую власть. Подробнее авторский состав и характер использованных нами публикаций отражает приводимая ниже таблица, составленная преимущественно на основе опубликованных биографических исследований и справочных материалов (табл. 1).

Таблица 1

История Горного Алтая в произведениях авторов «Сибирских огней»
1920—1940-х годов

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с Алтаем	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Анохин Андрей Викторович (Анохин А.)	Крупный этнограф и композитор. Собираатель алтайского фольклора. Член Русского географического общества и Общества изучения Сибири и ее производительных сил.	научно-популярная историко-этнографическая статья	1927	1
Анучин Василий Иванович (Анучин В.)	Общественно-политический деятель, представитель сибирского областничества, этнограф. В 1918 году принимал участие в инициативе по созданию суверенного государства Ойрот.	рецензия на научно-популярную статью	1922	1
Бакай Николай Никитич (Бакай Н.)	Историк-архивист, с 1920 года — заведующий Томским губернским управлением архивным делом.	научно-популярная статья	1926	1
Гриф	Не установлено	литературная критика	1932	1
Мухачев Илья Андреевич (Мухачев И.)	Поэт, уроженец г. Бийска Алтайского края. С конца 1920-х годов — член объединения «крестьянских» писателей (Новосибирск).	стихи	1926; 1936	2
Кожевников Савва Елизарович (Кожевников С.)	Писатель, очеркист, литературовед, литературный редактор. Уроженец с. Кривинское Алтайского края. С 1946 по 1953 годы — главный редактор журнала «Сибирские огни».	очерк, литературная критика	1937; 1939	2

Окончание табл. 1

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с Алтаем	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Коптелов Афанасий Лазаревич (Коптелов А.)	Писатель, литературовед, журналист. Уроженец старообрядческой деревни Шатуново томской губернии. Много путешествовал по Горному Алтаю.	очерки, литературная критика, художественная проза	1928; 1934; 1935; 1936; 1937; 1941	6
Кучияк Павел Васильевич (Кучияк П.)	Писатель, поэт, драматург, фольклорист. Уроженец Горно-алтайского урочища Куюм. Сын шамана, внук сказителя. Освоил русский язык и грамоту в церковно-приходской школе, после революции занимался партийной работой, окончил Коммунистический университет трудящихся Востока. Основоположник алтайской литературы советского периода.	поэзия, проза, фольклор	1934; 1935; 1939	4
Сары-Сэп-Конзычаков Леонид Алексеевич (Конзычаков Сары-Сэп)	Представитель алтайской интеллигенции, видный общественно-политический деятель, в период гражданской войны был председателем Кузнецкого отдела Каракорумской Управы, в начале 1920-х годов — заведующим отдела по делам национальностей Алтайского губисполкома, один из основателей Ойротской Автономной области.	научно-популярная историко-этнографическая статья	1922	1
Тупиков Кондратий Никифорович (Урманов К.)	Писатель, поэт. Уроженец северного Казахстана. Член редакционной коллегии газеты «Советская Сибирь». Путешественник.	очерк	1927	1
Фольклорист	Не установлено	литературная критика	1939	1
Халяпин А.	Не установлено	стихи	1931	1

[Составлено по: Историческая энциклопедия, т. 1, с. 116, 157, т. 2, с. 98—99, 139; Киндикова, 2014, с. 55—60; Колесникова, 1947; Общественно-политическая, с. 19; Очерки ..., 1982, с. 200, 278, 340].

Образ Ойротии, уверенно вступившей на путь советской модернизации, конструировался «СО» в сложных социально-политических условиях. Образование Ойротской автономии происходило на фоне жестоко подавляемых большевиками выступлений русских крестьян и коренного населения Горного Алтая против продразверстки. Вопрос об оптимальном решении вопроса самоуправления народа, стремившегося к политическому самоопределению, оставался дискуссионным и после создания Ойротской автономной области. Уже в мае 1925 года она была включена в состав Сибкрая, что ограничило ее самостоятельность. На революционном подъеме начала XX века в Ойротии стала формироваться национальная интеллигенция, инкультурированная в русской среде, которая уже в 1930-х годах агрессивно вытеснялась новым поколением советских активистов, выделявшихся на фоне коллективизации и культурной революции, призванных покончить со старой алтайской элитой — религиозной, хозяйственной и клановой. Резкими были социокультурные изменения, связанные с введением советской системы землепользования и переходом алтайцев к оседлости. Советская культурная политика предполагала разрыв с этническими традициями. Все эти обстоятельства и процессы требовали обоснования, для чего нередко использовался экскурс в историю, в том числе и авторами «СО».

3. 1920-е: полемика о прошлом Горного Алтая

1 июля 1921 года вышло постановление ВЦИК об организации Ойротской автономной области. Это дискуссионное решение требовало обоснования, чем и объясняется общий интерес к теме прошлого Горного Алтая. В первом же номере журнала «Сибирские огни» эту тему начал развивать Л. А. Сары-Сэп-Конзычаков, опиравшийся на историко-этнографические разработки С. П. Швецова [Шастина, 2014, с. 161]. Критику в адрес статьи Л. А. Сары-Сэп-Конзычакова высказал В. И. Анучин, претендовавший на лучшее знание алтайских реалий. Первые публикации, касавшиеся истории Горного Алтая, затронули следующие основные вопросы: каково происхождение горно-алтайских «туземцев», соответственно, как правильно их называть; как оценить степень их цивилизованности, а также их массовый переход в бурханизм в начале XX века и значение легенд об Ойрат-Хане. Л. А. Сары-Сэп-Конзычаков, назвавший алтайцев «потомками калмыков, некогда составлявших самостоятельное политическое целое Джунгарию», писал, что их культура и религиозные воззрения отличались крайней примитивностью, а распространение бурханизма в начале XX века было напрямую связано с ожиданием освобождения от «русского гнета» [Сары-Сэп-Конзычаков, 1922]. В. И. Анучин же настаивал на том, что, хотя

Л. А. Сары-Сэп-Конзычаков и являлся сам «инородцем», его знания были неточны. Во-первых, по мнению Анучина, являлось ошибкой отождествлять понятия «калмык», «алтаец» и «джунгарец». Анучин полагал, что корректнее было использовать понятие «джунгарцы», подразумевая переселившихся на Алтай в середине XVIII века беглецов, спасавшихся после разгрома Джунгарии. «Ойратом» он считал правильным называть не просто «сказочного хана», с которым у алтайцев связывались мессианские ожидания, а «реальное средневековое государство джунгар» (кстати, изначальная идея назвать молодую республику «Ойратией» возникла также с подачи Анучина). Кроме того, по мнению Анучина, «туземцев» Алтая нельзя было считать «народом, еще не вышедшим из примитивного, первобытного состояния», но следовало признать «утратившим свою оригинальную культуру в силу ряда причин» [Анучин, 1922]. За этими высказываниями стоял политический опыт Анучина, который в марте 1916 года избирался председателем инородческого съезда в Улале, где занимался подготовкой к созданию автономного Каракорум-Алтайского округа и продвигал авантюрную идею создания республики Ойрот, которая должна была объединить алтайцев, хакасов, монголов и тувинцев. Уже в 1923 году Анучина выслали в Казань за прежнюю «контрреволюционную деятельность» [Общественно-политическая ..., 2019, с. 19], но тема «инородческого движения» на Алтае продолжала волновать сибиряков, что отразили, в частности, последующие выпуски «СО».

Н. Н. Бакай подробно описал свое видение событий 1904 года на Алтае, связанных с началом волнений «калмыков». Эти события были вызваны проповедями бурханизма и наивными ожиданиями возрождения государственности. Бакай охарактеризовал разгоревшийся конфликт «инородцев» с властями в духе времени, обвинив в жестокости царскую администрацию, подавившую волнения алтайцев. Обвинял Бакай и русских крестьян, которых томский губернатор привлек к подавлению волнений. Крестьяне были уличены в открытом грабеже «инородцев», последовавшем за «усмирением» артайцев. Действиям же самих «калмыков» однозначной оценки в этой статье не давалось. Бакай не порицал их выступлений против властей, но и не называл «калмыков» «жертвами царизма», упомянув лишь то, что они, как и все покоренные народы Сибири, всегда мечтали о политической независимости от империи [Бакай, 1926].

Образ мирного «ойротца» с кроткой пастушеской душой был изображен в статье этнографа А. В. Анохина. Этот автор пошел дальше Н. Н. Бакая, сообщив о том, что алтайцы якобы никогда «не проявляли признаков разлада с русским правительством и своими соседями-колонистами», в то

время как русские теснили ойротцев, занимая лучшие территории. Идеологическая статья Анохина оправдывала позитивное восприятие алтайцами бурханизма как «первое обнаружение самостоятельности этого народа», измученного экономическим притеснением со стороны русских, очарованного идеей «самостоятельного ойротского царства», которой спекулировал проповедник Чет Челпан, пришедший, по версии А. В. Анохина, из Монголии [Анохин, 1927].

В середине 1920-х годов на страницах «СО» начал формироваться художественный нарратив, нацеленный на идеологически продиктованную репрезентацию прошлого и настоящего «иностранцев» Горного Алтая. Первое схематичное изображение логики его исторического развития в художественной форме предлагалось стихотворением И. М. Мухачева «Чуйский тракт». Исследуя семантику Чуйского тракта в русской литературе, литературовед Т. А. Богумил пришла к выводу о традиционно мрачных доминантах образа этого пути: пространство греха, преступления, страдания и смерти. А типичная композиционная роль этого образа в произведении оценивается ею как сюжетный стержень [Богумил, 2018, с. 215]. В целом эти наблюдения справедливы и для интересующих нас произведений. Однако, как будет показано далее, авторы «СО» 1920—1930-х годов пытались разрушить шаблон, показывая образ Чуйского тракта в положительной динамике. Само существо темы произведения, время и место главных событий И. М. Мухачев определил в названии произведения («Чуйский тракт») и его первых строках, где сообщалось об обращении к незабвенной «стародавней были». Последовательная передача событий включала примеры социальной несправедливости и длительно продолжавшегося обмана бесхитростных алтайцев русскими купцами и прочими угнетателями в прошлом (*Не купцу ли с хмельного дурмана / Ослабев на сердце и язык, / Отдавал первейшего барана / За стекляшку светлую калмык?*) [Мухачев, 1927]. Автор высказывал алтайцам сочувствие и выражал негодование в отношении их былого прозябания. Крутой исторический поворот в судьбе «калмыков» связывался с победой революции и эффективными действиями советской власти в решении проблем «отсталости» этого народа. Возвращаясь к современности, автор утверждал, что произошедшие положительные изменения уже необратимы, Ойротию ждет развитие и процветание. В основу стихотворения А. Халяпина «В страну Ойрат» легла аналогичная нарративная схема. К разрешению затяжной и драматичной ситуации недавнего прошлого алтайцев Халяпин добавил яркие образы начала промышленного развития Горного Алтая и реконструкции Чуйского тракта [Халяпин, 1931].

4. «До революции Алтай был нищим, забитым и темным ...»: нарратив 1930—1940-х годов

Реконструированный нами нарратив использовался прозаиками и публицистами в последующие годы. Его развитию и детализации способствовали факторы начинавшейся коллективизации, механизации сельского хозяйства, индустриализации и формирования соцреалистической литературы, нацеленной, по словам А. Л. Коптелова, на то, чтобы «рассказать великую правду социалистического строительства <...>, как изживаются капиталистические и родовые пережитки в сознании людей» [Коптелов, 1934, с. 105]. Большинство публикаций «СО» 1930-х годов, в которых обсуждалось прошлое Горного Алтая, представляло собой художественные произведения, в которых однозначно и тенденциозно конструировалась историческая реальность, а также литературную критику, отвергавшую альтернативные образы. В это десятилетие страна была поглощена «борьбой с внутренними врагами». Свои внутренние враги: баи, зайсаны и шаманы — появились и в произведениях 1930-х годов, посвященных истории Ойротии. Усложнившийся в 1930-х годах литературный нарратив включал описание «печали» и «убогости» существования в прошлом алтайских бедняков, «нищих, забитых и темных», над которыми безжалостно глумились ненасытные баи. А. Л. Коптелов писал: «Жизнь алтайца, находившегося под гнетом русского царизма, под прессом русских капиталистов и алтайских баев-феодалов, под прессом торговца-обдиралы, была беспросветной. Огромное количество коренного населения до революции питалось корнями кандыка, сараны и диких пионов ...» [Там же, с. 92]. Нередко описание нищеты включало указание на антисанитарию. Подчеркивалось, что до недавнего времени алтайцы не знали бани, никогда не умывались, носили грязную одежду, пока она не истлевала прямо на теле [Кожевников, 1937, с. 77; Кожевников, 1939, с. 137]. Произведения о прошлом Алтая смаковали сцены, в которых герои-бедняки получали от бая за свой труд одни объедки, погибали от шаманского шарлатанства, насмерть замерзали в холодных юртах. Культурные традиции алтайцев репрезентировались как «густая паутина суеверий и родовых предрассудков» [Кожевников, 1939, с. 131].

В 1930-х годах усилилось внимание исследователей к ойротскому фольклору. Во многом это было связано с инициативами П. В. Кучияка, собиравшего, обрабатывавшего и публиковавшего народные сказки [Кучияк, 1937]. Это делалось далеко не случайно. А. Л. Коптелов сообщал, что до революции считалось, будто алтайские сказки прославляли знать и имели аристократическое происхождение, в 1920-х сказки официально отвергались как «пережиток гнилой старины», «столь же вредный, как и религия». Теперь

же в сказках советские литераторы и читатели наконец рассмотрели их истинный смысл: «вековую мечту трудящихся о свободной жизни без зайсанов, баев, угнетателей, о борьбе бедных с богатыми» [Коптелов, 1934, с. 93]. Именно поэтому в «СО» печатались сами сказки и документальные очерки о наиболее даровитых сказителях *кайчи*, об их способности петь для слушателей по несколько ночей к ряду и о том, что в современности вековые чаяния алтайцев наконец сбываются [Коптелов, 1937]. С аналогичными целями сказочные мотивы использовались и в качестве завязки к документальным очеркам или рассказам [Кожевников, 1937, с. 127—128].

Разрешение ситуации в нарративе 1930-х годов усложнилось. Показать участие русского народа и коммунистической партии в социалистическом преобразовании Алтая было уже недостаточно. Критики ждали от писателей демонстрации нового героя — алтайца, порвавшего с ненавистным прошлым, ставшего убежденным строителем социализма [Коптелов, 1934, с. 105]. Такими новыми литературными героями 1930-х годов становились «освобожденная» алтайская женщина, пастух, выучившийся на водителя грузовика, батрак, бросивший вызов баю и вступивший в колхоз, и т. п. [Кучияк, 1934 и др.].

Авторы «СО» эксплуатировали однотипные приемы политики памяти, которые становятся все более очевидными от 1920-х к 1940-м годам. Во-первых, применялась общая негативизация оценок сначала дореволюционного прошлого, а позднее и периода 1920-х годов (тогда «враг затаился»), чтобы оттенить настоящее, в котором решаются вековые проблемы целого народа. Во-вторых, применялся прием обобщения: алтайский народ рассматривался с позиций исторической целостности, но «не в лживом ореоле Ойрат-Хана, не как мифическое родовое единство алтайского народа», а как масса трудящихся, народ, поработанный в прошлом алтайскими баями, зайсанами, русскими кулаками и чиновниками [Кожевников, 1939, с. 135]. Алтайцы постепенно стали изображаться в «СО» единым народом-жертвой, поднявшимся на героическую борьбу при помощи русских большевиков. В-третьих, «СО» решительно боролась с версиями истории, альтернативными официальной, пропагандировавшей журнал. Примером может послужить жесткая критика поэмы Ч. Строева «Кара-Корум» (1927), где, по словам А. Л. Коптелова, «приход красных партизан на Алтай был описан как приход завоевателей» [Коптелов, 1934, с. 104].

5. Заключение

Решение вопроса с самоуправлением алтайцев путем создания Ойротской автономной области оставалось в 1920-х годах предметом дискуссии,

что отразил журнал «Сибирские огни». Его авторы приводили преимущественно исторические аргументы для обоснования целесообразности организации самоуправления у «ойротов» в форме автономии. Это обоснование давалось путем ответа на вопросы о том, кто такие «ойротцы» (каково их происхождение), желают ли они политической самостоятельности и готовы ли к самоуправлению. Но публикации этого десятилетия, принадлежавшие перу ученых и общественно-политических деятелей, не давали однозначных ответов читателям «СО». Происхождение и этнографическое определение «аборигенов» Горного Алтая оставались запутанными. Мнения о степени «развитости» этого народа разнились. Однако все авторы признавали желание алтайских «аборигенов» обрести политическую самостоятельность, обусловленное тем, что в далеком прошлом они имели свою государственность, а затем более двухсот лет терпели притеснения со стороны сильных соседей — китайцев и русских, до революции не считавшихся с интересами «покоренных» народов.

Более четкая и контрастная картина исторического прошлого Горного Алтая постепенно складывалась в рамках художественного нарратива, получившего развитие на втором этапе — в 1930—1940-х годах. Прошлое Горного Алтая изображалось в это время преимущественно художественно, однако с претензией на документальность. Эффекты правдоподобия достигались за счет появления писателей-алтайцев, которые, по словам литературных критиков, описывали всю правду жизни, а также за счет признания талантов сказителей. Однако художественное изображение прошлого вытесняло документальное и тем более научное. Исторические репрезентации стали однозначными, даже шаблонными, максимально обобщенными, полными гипербол и контрастных противопоставлений прошлого и традиций современности. Дискуссиям 1920-х годов был положен конец. По словам С. Е. Кожевникова, П. Кучияк «сорвал маски с проповедников мифического Ойрат-хана, с защитников старинных обычаев, то есть отсталости, темноты и грязи» [Кожевников, 1939, с. 135]. «Свое прошлое», которое было у алтайцев, расценивалось как их несчастье, преодоленное и отвергнутое. Журнал внушал читателям мысль о том, что будущее у алтайцев может быть только общим со всем советским трудовым народом.

Источники и принятые сокращения

1. Анохин А. Бурханизм в Западном Алтае / А. Анохин // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 162—167.
2. Анучин В. К вопросу об Ойратской республике / В. Анучин // Сибирские огни. — 1922. — № 2. — С. 196—197.

3. Бакай Н. Легендарный Ойрат Хан (Из истории туземных движений на Алтае) / Н. Бакай // Сибирские огни. — 1926. — № 4. — С. 117—124.
4. Гриф. Галопом по Ойротии / Гриф // Сибирские огни. — 1932. — № 2—3. — С. 96—107.
5. Конзычаков С.-С. Культурно исторический очерк об алтайцах. К вопросу о выделении автономной области «Ойрат» / С.-С. Конзычаков // Сибирские огни. — 1922. — № 1. — С. 109—115.
6. Кожевников С. Машина идет на Кош-Агач / С. Кожевников // Сибирские огни. — 1937. — № 3. — С. 67—83.
7. Кожевников С. Первые страницы алтайской литературы / С. Кожевников // Сибирские огни. — 1939. — № 4. — С. 127—141.
8. Колесникова Г. Советские люди в горах Алтая (Алтайская тема в творчестве А. Коптелова / Г. Колесникова // Сибирские огни. — 1947. — № 2. — С. 108—111.
9. Коптелов А. Литература советской Ойротии / А. Коптелов // Сибирские огни. — 1934. — № 6. — С. 92—108.
10. Коптелов А. Откровения торопливых путешественников / А. Коптелов // Сибирские огни. — 1936. — № 1. — С. 145—146.
11. Коптелов А. Сказки алтайского народа / А. Коптелов // Сибирские огни. — 1937. — № 4. — С. 86—94.
12. Кучияк П. Железный конь / П. Кучияк // Сибирские огни. — 1934. — № 3. — С. 139—147.
13. Кучияк П. Ойротские сказки / П. Кучияк // Сибирские огни. — 1937. — № 4. — С. 26—35.
14. Мухачев И. Чуйский тракт : стихи / И. Мухачев // Сибирские огни. — 1926. — № 1—2. — С. 101.
15. Халяпин А. В страну Ойрат : стихи / А. Халяпин // Сибирские огни. — 1931. — № 5. — С. 38—41.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бассин М. Россия между Европой и Азией : Идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. — Москва : Новое издательство, 2005. — С. 277—310.
2. Белозерова М. В. К истории образования ойротской автономной области (нач. 1920-х гг.) / М. В. Белозерова // Вестник Томского университета. — 2008. — № 308. — С. 61—66.
3. Богумил Т. А. Семантика Чуйского тракта в русской литературе / Т. А. Богумил // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16, № 3. — С. 220—221.
4. Захарова Т. В. Социальные преобразования в Горном Алтае в 1920—1930-е гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. В. Захарова. — Горно-Алтайск, 2006. — 176 с.
5. Историческая энциклопедия Сибири : в 3-х т. / главный редактор В. А. Ламин, ответственный редактор П. И. Клименко. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010.
6. Киндикова Н. М. Литературы Сибири : опыт исследования : монография / Н. М. Киндикова. — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. — 180 с.

7. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с.
8. *Куляпин А. И.* Образ Алтая в литературе 1920—1940-х гг. / А. И. Куляпин // *Филология и человек*. — 2013. — № 1. — С. 168—177.
9. *Миллер А. И.* Россия : власть и история / А. И. Миллер // *Pro et Contra*. — 2009. — Т. 13, № 3—4. — С. 6—23.
10. *Общественно-политическая жизнь в Сибири в конце XXI — начало XX в. : энциклопедический словарь / ответственный редактор М. В. Шиловский*. — Новосибирск : Параллель, 2019. — 398 с.
11. *Очерки русской литературы Сибири*. — Т. 2. Советский период / главный редактор А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1982. — 627 с.
12. *Пустогачева Т. С.* Экономическое развитие Горного Алтая в 1929—1941 гг. / Т. С. Пустогачева // *Мир Евразии*. — 2011. — № 4. — С. 46—50.
13. *Родигина Н. Н.* Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начало XX вв. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск : Издательство Новосибирского педагогического университета, 2006. — 343 с.
14. *Чащина Л. Г.* Русская литература Горного Алтая : Эволюция. Тенденции. Пути интеграции / Л. Г. Чащина. — Томск : Издательство Томского университета, 2003. — 249 с.
15. *Шастина Т. П.* Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни» : начальный этап формирования образа советской национальной окраины / Т. П. Шастина // *Вестник Томского университета*. Серия : Филология. — 2014. — № 4. — С. 158—172.
16. *Ярская-Смирнова Е. С.* Нарративный анализ в социологии / Е. С. Ярская-Смирнова // *Социологический журнал*. — 1997. — № 3. — С. 38—61.
17. *Segesten A-D.* Memory studies : The state of an emergent field / A-D. Segesten, J. Wüstenberg // *Memory Studies*. — 2017. — Vol. 10, Issue. 4. — Pp. 474—489.
18. *Verovšek P. J.* Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm / P. J. Verovšek // *Politics, Groups, and Identities*. — 2016. — Vol. 4, Issue 3. — Pp. 529—543.

HISTORY AND TRADITIONAL CULTURE OF ALTAI IN CONTEXT OF THE HISTORICAL POLICY OF SOVIET STATE OF 1920s—1940s: BASED ON THE MATERIALS OF “SIBERIAN LIGHTS” MAGAZINE

© **Ekaterina I. Krasilnikova (2020)**, orcid.org/0000-0003-0014-0655, Scopus Author ID 57203591375, Doctor of History, leading researcher, Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), katrina97@yandex.ru.

The dynamics of the memory policy aimed at forming in the historical memory of the readership of the Siberian Lights Magazine of the 1920s—1940s ideas about the historical past and traditional culture of Altai people is traced in the article. The relevance of the study is due to the growing attention to the features of historical knowledge in the public space, its structuring, the means of conceptual interpretation and the use in the processes of political self-regulation of society at various stages of development. The novelty of the research is seen in the fact that the history of the state policy of memory in relation to the past of Gornyy Altai

in its substantive and procedural aspects has not yet become the subject of independent scientific research. The contexts and conditions of creating journal representations of the historical past of Gorny Altai are revealed. The list of the authors covering this topic is characterized, as well as the factors that influenced the creation of journal representations of the history of the Altai people. The stages of this representation are established and characterized. It is shown how the memory policy techniques used by the authors of this journal at different stages changed. It is proved that at the stage of the 1920s, the Siberian Lights served as a platform for polemics of historians and subjects of regional politics, relatively independent in relation to the central government. At the second stage of the 1930s – 1940s, the authors of the journal were included, first of all, in the process of implementing the policy of memory of the central authorities.

Key words: memory policy; historical memory; traditional culture; ideology; Gorny Altai; Oiroots; Siberian Lights Magazin.

MATERIAL RESOURCES

- Anokhin, A. (1927). Burkhanizm v Zapadnom Altaye. *Sibirskiy ogni*, 5: 162—167. (In Russ.).
- Anuchin, V. (1922). K voprosu ob Oyratskoy respublike. *Sibirskiy ogni*, 2: 196—197. (In Russ.).
- Bakay, N. (1926). Legendarnyy Oyrat Khan (Iz istorii tuzemnykh dvizheniy na Altaye). *Sibirskiy ogni*, 4: 117—124. (In Russ.).
- Grif. (1932). Galopom po Oyrotii. *Sibirskiy ogni*, 2—3: 96—107. (In Russ.).
- Khalyapin, A. (1931). V stranu Oyrat: stikhi. *Sibirskiy ogni*, 5: 38—41. (In Russ.).
- Konzychakov, S.-S. (1922). Kulturno istoricheskiy ocherk ob altaysakh. K voprosu o vydelenii avtonomnoy oblasti «Oyrat». *Sibirskiy ogni*, 1: 109—115. (In Russ.).
- Kozhevnikov, S. (1937). Mashina idet na Kosh-Agach. *Sibirskiy ogni*, 3: 67—83. (In Russ.).
- Kozhevnikov, S. (1939). Pervyye stranitsy altayskoy literatury. *Sibirskiy ogni*, 4: 127—141. (In Russ.).
- Kolesnikova, G. (1947). Sovetskiye lyudi v gorakh Altaya (Altayskaya tema v tvorchestve A. Koptelova. *Sibirskiy ogni*, 2: 108—111. (In Russ.).
- Koptelov, A. (1934). Literatura sovetskoy Oyrotii. *Sibirskiy ogni*, 6: 92—108. (In Russ.).
- Koptelov, A. (1936). Otkroveniye toroplivykh puteshestvennikov. *Sibirskiy ogni*, 1: 145—146. (In Russ.).
- Koptelov, A. (1937). Skazki altayskogo naroda. *Sibirskiy ogni*, 4: 86—94. (In Russ.).
- Kuchiyak, P. (1934). Zheleznyy kon'. *Sibirskiy ogni*, 3: 139—147. (In Russ.).
- Kuchiyak, P. (1937). Oyrotskiye skazki. *Sibirskiy ogni*, 4: 26—35. (In Russ.).
- Mukhachev, I. (1926). Chuyskiy trakt: stikhi. *Sibirskiy ogni*, 1—2. (In Russ.).

REFERENCES

- Bassin, M. (2005). Rossiya mezhdru Evropoy i Aziyey: Ideologicheskoye konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy literature poslednikh let*. Moskva: Novoye izdatelstvo. 277—310. (In Russ.).
- Belozerova, M. V. (2008). K istorii obrazovaniya oyrotskoy avtonomnoy oblasti (nach. 1920-kh gg.). *Vestnik Tomskogo universiteta*, 308: 61—66. (In Russ.).
- Bogumil, T. A. (2018). Semantika Chuyskogo trakta v russkoy literature. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 16 (3): 220—221. (In Russ.).
- Chashchina, L. G. (2003). *Russkaya literatura Gornogo Altaya: Evolyutsiya. Tendentsii. Puti integratsii*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (In Russ.).

- Kindikova, N. M. (2014). *Literaturny Sibiri: opyt issledovaniya: monografiya*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. (In Russ.).
- Koposov, N. E. (2011). *Pamyat'strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Kulyapin, A. I. (2013). Obraz Altaya v literature 1920—1940-khgg. *Filologiya i chelovek*, 1: 168—177. (In Russ.).
- Lamin, V. A., Klimenko, P. I. (eds.) (2010). *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3-kh t.* Novosibirsk: Istoricheskoye naslediy Sibiri. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya. *Pro et Contra*, 13 (3—4): 6—23. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (ed.) (1982). *Ocherki russkoy literatury Sibiri, 2: Sovetskiy period*. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Pustogacheva, T. S. (2011). Ekonomicheskoye razvitiye Gornogo Altaya v 1929—1941 gg. *Mir Evrazii*, 4: 46—50. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. (2006). *Drugaya Rossiya. Obraz Sibiri v russkoy zhurnalnoy presse vtoroy poloviny XIX — nachalo XX vv.* Novosibirsk: Izdatelstvo Novosibirskogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Segesten, A.-D., Wüstenberg, J. (2017). Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10 (4): 474—489.
- Shastina, T. P. (2014). Oyrotiya na stranitsakh zhurnala «Sibirskie ogni»: nachalnyy etap formirovaniya obraza sovetskoy natsionalnoy okrainy. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 4: 158—172. (In Russ.).
- Shilovskiy, M. V. (ed.) (2019). *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri v kontse XXI — nachalo XX v.: entsiklopedicheskiy slovar'.* Novosibirsk: Parallel'. (In Russ.).
- Verovšek, P. J. (2016). Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, 4 (3): 529—543.
- Yarskaya-Smirnova, E. S. (1997). Narrativnyy analiz v sotsiologii. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 3: 38—61. (In Russ.).
- Zakharova, T. V. (2006). *Sotsialnyye preobrazovaniya v Gornom Altaye v 1920—1930-e gg. XX v.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk.* Gorno-Altaysk. (In Russ.).